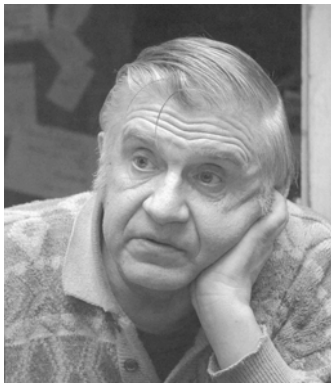
ПАМЯТЬ О ЛЮДЯХ ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ



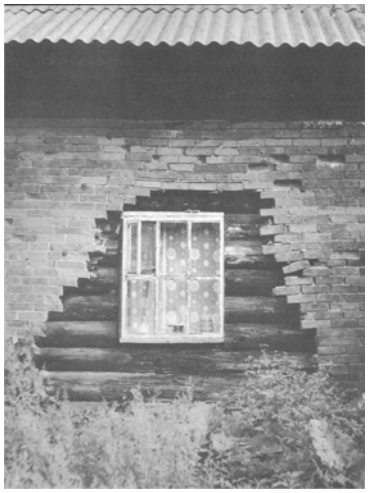
БЕЗ НЕГО ГОРОДУ ГРУСТНО... ВСПОМИНАЯ ДРУГА

(Памяти Владимира Белтова, 1944—2012)*

ВСПОМИНАЯ ДРУГА: ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Володя Белтов жил в так называемом «преподавательском доме» Тульского госуниверситета, в трех минутах ходьбы от дома моего. Поэтому мимолетно встречались на улице часто. Но в последние годы уже не очень. Он объяснял: дескать, полностью отдался приведению в порядок своего огромного фотоархива. Предложили подготовить фотовыставку работ. Последняя наша встреча состоялась где-то за полгода до его кончины. Сообщил: недавно из кардиологии, хорошо добрая женщина-прохожая вызвала «скорую», прямо на улице схватило. Еле откачали. А так уже и приснопамятную «желтую трубу» видел...

...1980-е



...1980-е

* Иллюстрации — фото Владимира Белтова в тексте взяты из каталога фотовыставки Владимира Белтова и Сергея Павлова. Текст каталога — Ирина Скибинская. — Тула: ЗАО «Гриф и К», 2012.

Поинтересовался моими научными и литературными делами. Вновь пообещал, как разберется со своим архивом, написать для «Приокских зорь» очерк о своем героическом отце, предварившем подвиг сержантов Егорова и Кантария — водрузившем Красное знамя на Триумфальной арке Бранденбургских ворот Берлина — главном символе прусского милитаризма.

Увы, времени для очерка судьба Володе не оставила. Поэтому ниже мы и приводим биографическую справку о жизни и подвиге Николая Николаевича Белтова.

...Хорошо помню Николая Николаевича, по штабным интригам не получившего за знамя на Бранденбургских воротах звания Героя Советского Союза, служившим после войны заместителем коменданта Магдебурга — «столицы» Группы советских войск в Германии, а с 1961-го года — военным комендантом Тулы и тульского гарнизона.

Первый раз увидел Николая Николаевича, тогда уже отставника от военной службы при весьма интересных обстоятельствах. Мы только что пообедали с Володей с водкой в ресторане «Дружба» (это тогда мог себе позволить начинающий инженер), имевшем неофициальное наименование седьмого корпуса Тульского политеха — в дополнение к шести учебным корпусам... «Дружба» — через дом от володиного «преподавательского». И нам в ту же сторону, но здесь мой спутник расправляет плечи, переходит на армейский шаг — «восемьдесят сантиметров в секунду», как старшины обучают новобранцев, — сурьезнит лицо и взглядом приказывает мне повторить этот маневр, шепнув: «Отец!»

А на нас надвигается фигура из зарубежного великосветского фильма: идеальная стройность фигуры без всяких животов и сутулостей, темное весеннее пальто из тончайшего сукна или габардина, белоснежное шелковое кашне, зеркально начищенные ботинки-туфли, о стрелки брюк можно порезаться. Черные лайковые перчатки и ранее мною не виданный вживую «котелок» на седеющей голове дополняют убранство.

...1980-е

...1980-е

Молча разминаясь с нами, Николай Николаевич строго-испытующе окидывает взглядом сына, а отмечая присутствие рядом с ним парниши с ярко-красной (не рыжей! — Это от моих предков-шотландцев по материнской линии) бородой, степенно прикладывает указательный палец к полю шляпы.

«А знаешь куда он грядет? Нам на смену вахты в «Дружбу» — обедать с наркомовскими ста граммами».

Интересуюсь: «Дома что ли не умеют обеды готовить?»

«Да нет, мать кашеварит получше ресторанных поваров. Просто отец — истинный офицер жуковской армии, а Георгий Константинович после войны начал приучать командный состав армии к культуре поведения, взяв за пример царских офицеров. В частности, издал приказ: офицерам обедать только в заведениях, то есть ресторанах, не ниже второго разряда. Как человек дисциплинированный, отец воспринял этот приказ буквально: обедать в ресторациях! Что и сейчас, в отставке безусловно выполняет.

Понятно, что Жуков имел в виду не обеденные щи-гуляши, а вечерние застолья с гулянкой-пьянкой, но не мог же он впрямую написать это в приказе?»

Я уважительно хмыкнул, и мы «продолжили движение», говоря по-армейски.

...И сам Володя — военная косточка — на фото из дембельского альбома смотрелся в отутюженной военной форме не хуже мосфильмовского царского поручика. Служил он срочную в Прибалтике, а официантки-латышки в тамошних кафешках называли его, сержанта, не иначе как господином офицером. Кстати, о его сержантстве.

Душа части, фотограф и киносъемщик, природный организатор, он уже через несколько месяцев после сержантской школы получил на погоны высокочтимую в унтер-офицерских кругах широкую лычку. Но увлеченность, неровность характера, опять же гостеприимные рижские кафешки, не позволили ему долго проносить эту лычку: разжаловали в сержанты с двумя узенькими полосками на погонах. Но после очередного смотра части на предмет наглядной агитации высоким начальством ему снова вернули широкую лычку.

Поняв, что последующие два с лишком года службы будут сопряжены с такими же метаморфозами, а тратиться каждый раз в военторге на новые погоны накладно, Володя завел себе универсальные тесемки: разжаловали в очередной раз — перетянул широкие лычки тесемками погонного цвета; возвратили звание — снял их. Голь на выдумки хитра!

Иван Иванович Иванов. 1980-е

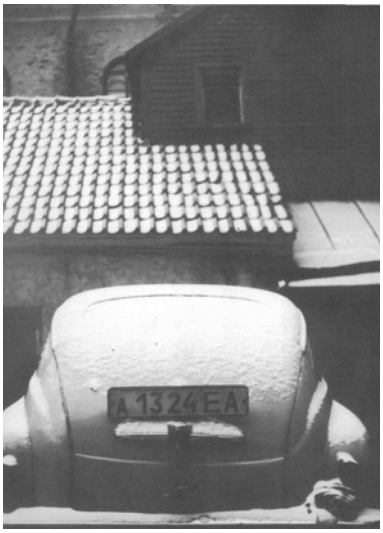
...Вот эти самые неровности характера не раз ему досаждали в жизни. Порой в такие передряги попадал, что другой совсем потерял бы себя, скукорожился, сник. Но Володя, преодолев очередные напасти судьбы, представал этаким Фениксом, возрождая в себе наземную энергию деятельности.

...Как бывают люди с абсолютной памятью, с абсолютным слухом — первые скрипки в оркестрах, так встречаются и люди с абсолютной общительностью и доб-

рожелательностью. — Это прямо о Володе Болте, как его не менее доброжелательно звал весь знаемый ему город: не очень великий, но вовсе и не малый.

Любо-дорого было посмотреть, как Володя входит на остановке в троллейбус, следующий маршрутом по центральному проспекту Ленина. Особенно если он входил в паре с Пашей Грожаном, опять же нашим коллегой по работе.

Последний, кроме всего многого прочего, был знаменит на нашем заводе тем, что, получив в наследство от отца, при жизни занимавшего высокую должность директора тульских электросетей, новенькую «волгу» — предмет тогдашнего всеобщего вожделения, тотчас продал ее, не торгуясь, «под седло», рыночному кавказскому джигиту.



...1980-е

На любопытствующие и завистливые вопросы начальства, особенно парторгов и комсоргов различного ранга, о причинах столь непопулярного действия, Паша отвечал, сурово насупившись: «Я генетически ненавижу частную собственность и верен заветам своего героического прадеда Клода Грожана, сражавшегося на баррикадах Парижской коммуны против «мундиров синих с саблей на боку» генерала Галифе и пруссаков Бисмарка!»

В свойском же кругу отвечал просто: «Вы, ребята, хотя и не бисмарки с галифе, но ведь заставите меня каждые выходные возить себя на загородные шашлыки. Назад поедете в дупелину, а я как дурак трезвехонький за рулем!»

Паша действительно по прямой линии был правнуком парижского коммунара 1871-го года, бежавшего после разгрома Коммуны и вступления в Париж пруссаков в Россию — единственную в Европе страну, дававшую в девятнадцатом веке приют всем гонимым...

...Тогда все молодые инженеры увлекались книгой об Остапе Бендере одесских классиков и хоккеем, поэтому наш коммунарский потомок имел сразу два прозвища: Паша Эмильич и Пал Маховлич.

Деньги за машину Паша пропил с друзьями менее чем за полгода.

...Так вот, входят жарким летним днем в троллейбус Володя с Пашей, оба высокие, за метр-восемьдесят. Первый — стройный, голубоглазый блондин с тем чисто русским лицом, которых сейчас уже почти и не осталось.— Словом, типаж из голливудского боевика, актер в амплуа главного позитивного героя. Второй — плотный, коренастый француз, которых сейчас также во Франции не осталось, чуть смугловатый, с копной иссиня-черных вьющихся волос на голове. А открытые по локти руки словно одеты в черные перчатки из мохера.

Входят в троллейбус как в родной дом. С мест приветствия: «Привет, Болт! Здорово, Пал Маховлич!» А молодые женщины инстинктивно прикрывают ладонью левой руки обручальные кольца на правой...

Перейдем к моему знакомству с Володей и нашей с ним работе на заводе «Точмаш» и в ЦКБА.*

В 1971 году я окончил радиотехнический факультет Тульского политехнического института и был распределен на Тульский завод точного машиностроения, «Точмаш» в просторечии. Завод этот в центре Тулы был в первые послевоенные пятилетки выделен из состава Машиностроительного завода, в просторечии — Нового Оружейного и являл собой образец очень продуманной сталинско-косыгинской конверсии. Половина цехов и отделов работали на «оборонку», а вторая половина снабжала все ткацкие фабрики СССР, Восточной Европы, всей же Азии, многих стран Латинской Америки чулочно-перчаточными вязальными автоматами и жаккардовыми станками.— Техника очень сложная и прецизионная.

Как раз в этом году при «Точмаше» организовалось СКБТМ - Специальное конструкторское бюро точного машиностроения. Понятно, какого. Впоследствии на базе СКБТМ организовалось самостоятельное Центральное конструкторское бюро аппаратостроения (ЦКБА).

И всех нас, выпускников факультетов систем автоматического управления, автоматики и телемеханики и радиотехнического в количестве 60—70 молодых специалистов определили в СКБТМ, а на роль полутора десятков руководителей бюро, секторов и групп переманили на более высокое жалованье тридцатилетних специалистов из радиолокационного НИИ, тоже тульского.

Все мы, начальники и подчиненные, были молоды и энергичны (см. фото Владимира Белтова ниже...).

Ну-у, молодые начальники пришли в СКБТМ для карьерного роста, правда, в хорошем смысле этого двусмысленного слова, а вот подчиненный состав, молодые специалисты как на подбор оказались, выражаясь артистическим языком, людьми «хара́ктерными». Хотя бы потому, что все они, почти сплошь отличники учебы, не стали распределяться в более престижные городские оборонные НИИ-КБ: знаменитое «шипуновское» КБП (см. в настоящем номере журнала материалы о нем), не менее известное НИИ «Сплав» — разработчик «смерчей» и «градов», в то же радиолокационное НИИ; не следует забывать, что первая советская РЛС была запущены в производство в Туле...

В чем заключалась такая метаморфоза? Скорее всего, все они, как люди увлеченные, разносторонние, не планировали сугубо инженерную деятельность на всю жизнь. Хотя многие, если не большинство, впоследствии выбрали именно инженерную стезю, став высококлассными специалистами. Человек полагает, а Бог располагает...

Отсюда в «первом наборе» сотрудников СКБТМ и обилие колоритных личностей, не только Володя Белтов и Паша Грожан, были и другие. Саша Козловский, хорошо рисующий, сразу «определился» в дизайнерскую группу. Страстный библиофил, он положенные три года проработал у нас, а затем перебрался в столицу, вновь поступил в институт, но уже во ВГИК на сценарное отделение. После окончания его писал сценарии для научно-популярных фильмов, далее стал драматургом, членом Союза писателей СССР, автором ряда пьес, с успехом шедших в областных и московских театрах.

Слава Воробьев — стихийный философ. Как он сам говорил, философии жизни он в детстве научился от деда, городского ветеринара, бравшего часто внука на рабо-

---

* Об этом периоде см. повесть «Зато мы делали ракеты» // В кн.: Алексей Яшин. 2007 — Штиль: Третья книга рассказов Николая Андреяновича.— М.: «Московский Парнас», 2007.— 302 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— Прим. авт.

Из серии «Точмашевцы». 1980-е

Из серии «Точмашевцы». 1980-е

ту по вызову. С царских времен ветеринара. Слава отменно играл на баяне, хорошо рисовал, увлекался горными лыжами, почему-то был знаком со знаменитыми московскими джазменами.

Сейчас оба они, Саша и Слава, работают в московской фирме по счетоводческо-бухгалтерской части. Новые времена...

Многих можно назвать, но нельзя не обойти вниманием колоритную фигуру Левы Теплякова, сына известного тульского писателя Николая Теплякова. Лева, известный всему городу и его окрестностям, носил устойчивое прозвище Лука — по имени героя одноименной (с добавлением нецензурной фамилии) скабрезной поэмы начала XIX века. Во-первых, Лева замечательно читал «Луку...» своим густым басом; во-вторых, внешностью и modus vivendi 100-процентно соответствовал персонажу поэмы. Огромный — в рост и вширь, — с рыжими вьющимися волосами на голове и такой же размахренной бородой, с нагло-веселыми глазищами, одетый то в щеголь-

скую жилетную «тройку», то в выцветшую от старости сатиновую рубаху, расстегнутую до пупа, Лева являлся главным в городе фарцовщиком по грампластинкам. Все свободное от работы и фарцовки время он проводил в «Дружбе», где ему отдавали честь шакалящие у входа в ресторан менты: дядя Левы в генеральной должности начальствовал в областном УВД. Из Москвы он привозил занимательные групповые фотографии, на которых он в обнимку стоит в центре сборной СССР по хоккею...

...1980-е

И девушки «первого призыва» в СКБТМ не были безликими. Особенно выделялась литературно-художественная троица: Люда Алексеева, Света Мордвинова и Ольга Розанова. Света — профессиональный (хотя тоже инженерша) каллиграф. Она оформляла поздравления министру и начальникам главков Миноборонпрома.

Люда Алексеева писала очень хорошие стихи. Училась она в Минском радиотехническом институте, рассказывала о встречах с будущим убийцей Джона Кеннеди Ли Харвеем Освальдом, что был минским мужем ее подружки. Сейчас Людмила — монахиня, приняла иноческий чин. В «Приокских зорях» она публиковала духовные стихи.

...Пусть читатель не сетует на столь пространное отступление от темы очерка — мы просто показываем ту картину жизни, на фоне которой (и в гуще которой) прошли лучшие, деятельные годы Володи Белтова.

Конечно, начав работать в СКБТМ, я сразу отметил, выделил из всех Володю. Да и не трудно это было сделать: всех остальных, пришедших вместе со мной, уже знал по институту, благо все мы учились на родственных по специальностям факультетах, а с десяток и вовсе с нашего потока радиотехников. Но более полугода мы с ним ограничивались короткими приветствиями. Во-первых, он был старше нас на четыре-пять лет, учился на заочном — тоже по радиотехнике; во-вторых, пришел он все с того же радиолокационного НИИ, то есть общался более с начальниками, бывшими коллегами. Наконец, немного посидев за паяльником и осциллографом, Володя активно включился в общественную жизнь: фотографировал, бегал с кинокамерой, а потом и вовсе стал появляться только в дни аванса и расчета. Начальники наши добродушно посмеивались: «Вошел Володя в свою колею! Сам директор ему поручения дает по подготовке к юбилею завода».

...1980-е

...1980-е

Познакомил же нас колхоз.

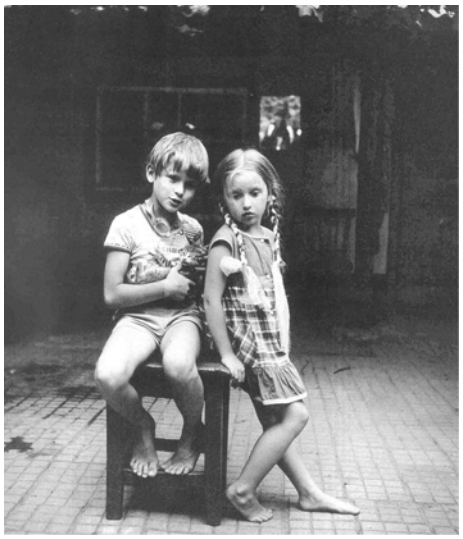
...Кстати, уважаемый читатель, вы обратили внимание: уже четверть века всякий выступающий по радио-телевидению обязательно лягнет по поводу и без повода советскую власть? А вот про посылку инженеров и рабочих в колхозы и совхозы — ни полслова! Хотя, казалось бы, такая благодатная тема для критиков нашей славной советской поры. А все потому, что молодые и средние возраста ничего об этом не знают, а более старшие годами с теплотой вспоминают о своей молодости, а поездки в колхоз — разрядка от рутины рабочих будней. Опять же снова молодость с ее девизом: «Война и колхоз все спишут!» Вот и не трогает злопыхатель поневоле — иначе на радио-телевидение не пустят больше — эту ностальгическую тему.

В первый год работы меня колхозом не докучали: ни зимой на снегозадержание, ни весной на посевную, ни летом на прополку свеклы, ни осенью на ее же уборку. Просто главк проверял вновь созданное СКБ «на вшивость»: дали задание за год спроектировать и разработать блок управления для управления же по лазерному лучу противотанкового гаубичного снаряда. Я попал в группу разработчиков и весь табельный год сидел за паяльником, осциллографом и радиочастотным генератором.

...1980-е

Но в конце первой декады июня следующего лета ко мне подошел начальник нашего сектора Евгений Александрович Даев, сделал дважды задумчивую восьмерку около стола, сказал: «Завтра очередная группа в колхоз едет. Ты — с ними».

«А как же задание?» — Дело в том, что пару месяцев назад мне поручили нечто немыслимое: в одиночку расчетно-теоретически спроектировать, а потом и смакетировать на печатных платах систему радиоуправления и связи, причем помехозащищенной, с ДПЛА — проще говоря, с беспилотным самолетом. В случае успеха была обещана высокая для молодого специалиста должность инженера-конструктора второй категории.



...1980-е

Евгений Александрович был сыном лесника и детство провел в одиноком лесном доме, поэтому говорил мало, маскируя природный юмор нарочитой серьезностью: «Войны в ближайшие десять лет не предвидятся, а свекла не техника, у нее сроки созревания не переносятся. Поезжай, Алексей. Через месяц вернешься к своим цацкам».

...Но вернулся я к ним только через три с половиной месяца — в начале октября. И всему «виной» знакомство с Володей.

К тому времени энергией нашего начальника Станислава Ивановича СКБТМ отделился от завода и стал именоваться ЦКБА (см. расшифровку выше). Соответственно и коллектив начальников и подчиненных вырос до двух сотен. Поэтому группу для колхоза собрали поболее двух десятков. Естественно, с преобладанием молодых спецов (см. фото Владимира Белтова ниже).

Зато в группе этой оказался весь цвет учреждения: Володя, которого отвлеклитаки от фотокиносъемок, Паша Грожан, Лева Тепляков, оравший на весь автобус, что-де у него партия «пластов» на подходе, Саша Козловский, Слава Воробьев и другие замечательные личности.

Когда зафрахтованный автобус подкатил к правлению подшефного колхоза (названия не помню... что-то про коммунизм) в Тепло-Огаревском районе, то вышедший на шум пред разразился яростным спичем: «На кой хрен вас прислали? Первая прополка закончилась, а до второй еще месяц! А ваша орда у меня за этот бездельный месяц целого быка сожрет!»

Старший группы и инженер-повар Зоя задержались в Туле на три-четыре дня по семейным делам (каждый по своим), поэтому по старшинству обязанность ВРИО

взял на себя Володя: «Товарищ председатель! Планы и графики помощи селу согласованы с вашим райкомом и утверждены сельхозотделом обкома партии. У вас другое мнение?»

...1980-е

Пред смачно сплюнул, выматерился при женщинах и ушел в правление. Вышедший ему на смену колхозный парторг деловито распорядился идти на взгорок в школу. Через час туда придет завхоз, решит дела с постельными принадлежностями, а к полудню завезут харч. При этом он, не отрываясь, пристально смотрел на Володю, экипированного под альпийского горного стрелка.

Народ двинулся в сторону холма, где стояли школа и колхозный клуб. Володя, уловив интерес парторга, попридержался.— И я на правах адмирал-адъютанта, в которые меня произвел наш патрон. В авобусе мы сидели рядом. Володя, расспросив меня, уяснил: я из Заполярья, умею делать руками все, даже дробь катать для охотничьих патронов, радиолюбитель-коротковолновик, заведовал в школе радиоузлом, а в институте был бессменным старостой группы, политически грамотен, редактировал стенгазеты. Володя, чуть подумав, сказал:

— Надеюсь, к земледельческому труду не склонен?

— Ничуть. На моей исторической родине только мох на скалах растет и морошка с черникой на торфе.

— Это хорошо. Будешь моим генерал-адъютантом. То есть, учитывая твое военно-морское происхождение, адмирал-адъютантом.

Меж тем парторг со счастливой улыбкой подошел к нам, обращаясь в Володе:

— Извиняюсь, товарищ. Не вы ли в прошлом году вели фото- и киносъемку на областном сельхозпартактиве в Туле, в ДК комбайностроителей?

— Так точно. Есть предложения?

— Есть и очень серьезные.

— Значит так, мне сейчас надо народ устроить, накормить и воодушевить на труд. А через три-четыре дня подъедет постоянный старший — и я буду в вашем распоряжении.

...О том, как мы провели полтора месяца в колхозе — это можно рассказать только в занимательной повести страниц на сто пятьдесят (сделал себе пометку в памяти). Скажу только, что колхоз наш получил первое место в межрайонном смотре по на-

глядной агитации, а пред выдал нам с Володей пятьсот рублей, деньги тогда огромные, и справку, что мы трудились еще и грядущий август-месяц. В сентябре я был в очередном отпуске, то есть появился на службе только в начале октября, проведя вне стен родной «конторы» почти четыре месяца.

...1980-е

...1980-е

Еще одна тема для повести о былом — как Володя был истинной душой города. И о наших совместных делах: съемки фильмов, для которых я писал сценарии, оформительская работа и многое другое.

* * *

Я намеренно остановился выше на событийной стороне деятельности и жизни Володи, дав их абрис как друг и соратник. В нижеследующих материалах дана собственно оценка его творчества.

...1980-е

...1980-е

ПРОСТО ФОТОГРАФ

«Вся моя жизнь — это фотография»,— однажды сказал Владимир Белтов.

Но он мог бы и не произносить этого вслух — те, кто были знакомы с Владимиром Николаевичем или хотя бы однажды видели его работы, это и так прекрасно понимали. Для Белтова фотография была профессией, к которой он относился с предельной честностью и преданностью. Она была его философией и его служением.

В 2009 году, празднуя 65-летие, Владимир Николаевич сказал, что отмечает еще один не менее важный для него юбилей: 50 лет занятий фотографией. И вспомнил, как пятнадцатилетним парнишкой сделал свой первый снимок: фотоаппарат «Зоркий-С» тогда дал ему в руки отец, тоже большой поклонник фотографии.

За 50 лет технологии ушли далеко вперед, «Зоркий-С» давно стал антиквариатом, в нашу жизнь вошли «цифра» и «фотошоп», а вместе с ними — глянцево-дизайнерское отношение к фотографии. Хотите красивую картинку — никаких проблем: щелкнул — а потом работай с исходным материалом. Здесь можно подчистить, там — убрать, здесь — добавить цвета. Появилось понятие «фотохудожник», которое Владимир Белтов категорически не принимал. Он называл себя просто фотографом. И подчеркивал, что для него главное — видеть и запечатлевать жизнь такой, как она есть.

— Есть только мгновение, здесь и сейчас, и оно никогда не повторится,— говорил Владимир Николаевич.— Важно его увидеть и поймать. Иногда это происходит случайно, иногда осознанно. Но если ты упустил этот миг, больше его никогда не вернешь...

Мгновения, «увиденные и пойманные» Белтовым, не исчезли. Они продолжали и до сих пор продолжают жить вместе с людьми, попавшими в кадр, с эмоциями, которые испытывал в тот момент автор. Для мастера не существовало ненужных деталей и неинтересных лиц, уродливых строений и невыгодных ракурсов. Ему была интересна обычная жизнь и обычные люди во вех своих проявлениях — никакой искусственной лакировки и украшательства.

Некоторые его работы могли бы показаться социально жесткими, если бы в них чувствовалась холодность — и беспристрастность автора. Однако Владимир Николаевич никогда не оставался равнодушным к тому, что видел и фотографировал. Он сочувствовал — и ужасался, иронизировал — и удивлялся, старался проникнуть в суть вещей, человеческих судеб и характеров. Каждая его работа становилась историей, рассказанной честно и правдиво.

Владимир Николаевич очень любил снимать стариков и детей. В глазах пожилых людей он будто читал пережитое. В глазах детей пытался прочитать то, что им предстоит пережить. А еще он очень любил снимать Тулу. Но не парадно-открыточную, а повседневную и непричесанную. И в этой повседневности находил самобытность и красоту. Он делал это много лет, порой изумляясь тому, что каждый раз открывает в своем любимом городе что-то новое, ранее не увиденное и не понятое. По сути, он создал фотолетопись Тулы начиная с 70-х годов прошлого века.

Владимир Николаевич никогда не прекращал снимать. В последние годы увлекался экспериментами с цветом, хотя, как признавался сам, по-прежнему считал черно-белое фото более настоящим и выразительным.

Владимир Белтов не один год проработал фотокорреспондентом в тульских газетах — «Коммунаре», «Молодом коммунаре», «Туле», Слободе». Но даже после того, как ушел из журналистики, продолжал общаться с бывшими коллегами, часто звонил, предлагал темы, отмечал удачные статьи или снимки. Он в душе оставался газетчиком: ему была искренне интересна эта бурная, быстро меняющаяся жизнь.

Однако Владимир Белтов останется в тульской истории не только как удивитель-

но талантливый фотограф. Он был прекрасным учителем. Именно учителем, а не педагогом — в привычном смысле этого слова. Работая с начинающими фотографами, избегал менторства, сухих разговоров — о технике и композиции, всегда говорил с учениками на равных, считая, что каждый имеет право на индивидуальное высказывание. Владимир Николаевич вырастил несколько поколений фотографов, многие из них давно сами стали мастерами — они до сих пор вспоминают с теплом и благодарностью «уроки Белтова». И не только они: долгие годы Владимир Николаевич преподавал в клубе радиоуправляемых моделей Тульской городской станции юных техников. Для кого-то из его воспитанников занятия электроникой остались увлечением, для кого-то определили выбор профессии. Однако и для тех, и для других Владимир Николаевич останется примером страстного отношения к жизни, к своему делу и к людям.

Ирина Скибинская.
(Каталог фотовыставки — см. сноску выше)

ТАЛАНТЫ НЕ ЗАБЫВАЮТСЯ

В музее «Тульский некрополь» проходит выставка памяти двух тульских фотографов, ушедших из жизни,— Владимира БЕЛТОВА и Сергея ПАВЛОВА.

— Это была идея их коллег, хотя экспонирование фотографий — не новость для нашего музея,— подчеркнул директор «Тульского некрополя» Александр Аладдин.— Сегодня здесь представлена черно-белая фотография, которая, на мой взгляд, более выразительна, чем цветная. В фотоснимках фотограф оставляет для потомков частичку своей души.

— Хорошую фотографию довольно просто отличить от плохой, — продолжил фотокорреспондент, один из инициаторов организации выставки Андрей Лыженков.— Вопрос в том, сделает ли она тебя лучше. Фотографии, которые мы видим сейчас, не оставляют сомнений: они пробуждают в душе светлые, добрые чувства.

И, может быть, поэтому в подготовке выставки и выпуске каталога-буклета приняли участие так много людей. Как признался Андрей, никто из тех, к кому обращались за помощью, не остался равнодушным. Проявилось удивительное журналистское братство, ведь оба фотографа — и Владимир Белтов, и Сергей Павлов — были газетчиками.

— Спасибо за память, за то, что талантливых, умевших любить людей не забывают... — высказала свою искреннюю признательность сестра Сергея Павлова.

Оба фотографа впервые взяли в руки фотоаппарат в юном возрасте. Владимиру Белтову дал свой «Зоркий» отец, тоже увлекавшийся фотографией. Талант Сергея Павлова проявился с первых занятий в фотостудии. Молодой парень поразил маститых коллег отличными репортерскими снимками со спортивных соревнований.

— Есть только мгновение, которое важно увидеть и поймать, — раскрывал секреты мастерства Владимир Белтов. Он ловил эти мгновения ежедневно, едва ли не ежечасно. С фотокамерой он практически не расставался, подтверждая собственное признание, что фотография — вся его жизнь.

С черно-белых снимков смотрят на нас его простые герои. Обыкновенные люди, которых можно встретить на каждом шагу. Выхваченные характеры, сюжеты — очень жизненные, и даже в условиях, казалось бы, «непрезентабельной обстановки» притягивают своим светом, позитивным отношением к окружающему миру.

У Сергея Павлова — пронзительные портреты, а в его серии «Детский дом» прочитывается светлая печаль... Потому что самые грустные детские глаза все равно смотрят на этот мир с надеждой...

Хочется сказать искреннее спасибо организаторам выставки за то большое дело, которое они сделали. Собственно, этим они сказали нам, как важно уметь не забывать и оставаться верными памяти тех, кто этого действительно заслуживает.

Элеонора ЩЕРБАКОВА.
Общественно-политическая региональная газета «Тула» № 18 (1136), 15 марта 2012 года

ВСЕ НЕ ПРИ ЖИЗНИ

Среди тульских журналистов от тридцати и старше, наверное, нет человека, который бы не знал Владимира Белтова. Талантливейшего, если не сказать — гениального фотографа, балагура со своей пронзительно-проницательной философией, газетчика по призванию и по состоянию души. Он ушел из этого мира морозным январским днем наступившего високосного года. А в самом начале весны коллеги — фотографы, корреспонденты — устроили в музее «Тульский некрополь» выставку его памяти, представив тулякам снимки Владимира Николаевича 1980-90-х годов.

— Идея организовать выставку возникла спонтанно,— рассказал фотохудожник Андрей Лыженков.— Просто как-то встретились, разговорились: «А давайте?..» То, что происходило потом, стало, по моему мнению, неким знаковым символом нашего корпоративного братства. Равнодушных не было: все, к кому мы обращались, проявили участие, заинтересованность, оказали посильную помощь. Жаль, конечно, что у Белтова не случилось выставок при жизни, но то, что мы видим здесь сейчас, — уже событие.

— Хорошее фото очень легко отличить от плохого,— заметил Андрей.— Критерий оценки довольно прост: сделала ли тебя лучше именно эта фотография. Снимки, которые представлены на выставке, не оставляют сомнений в том, что они делают нас лучше, пробуждают светлые чувства. Они позитивные. В них — глубина жизни, ее сокровенный смысл...

...Белтов умел видеть в простом — сложное, мог подмечать такие детали, при взгляде на которые существование на этой земле открывалось совершенно другими, непознанными гранями... Он, безусловно, был Мастером в своем деле. Любил фотографию как женщину. И был верен ей всю свою жизнь.

Владимир Николаевич ценил каждый миг, каждое мгновение и старался запечатлеть, сохранить их на пленке. Единожды увиденное, никогда неповторимое...

Его снимки — даже самые, казалось бы, «жесткие», «непричесанные» — неизменно добрые. В них отражается свет его души — непростой, противоречивой, но — светлой. Он любил этот мир и оставил его для нас в своих фотографиях таким, чтобы, глядя на них, мы не переставали дорожить им...

Александр Новохацкий,
«Аргументы и факты в Туле» № 11 (508)

БЕЛТОВ Николай Николаевич (10.08.1920, Иркутск — июль, 1986, Тула), участник Великой Отечественной войны, гвардии подполковник.

Родился в семье потомственного военного артиллериста. Закончил среднюю школу в г. Владимире, Рязанское артиллерийское училище. Став кадровым военным, в начальный период Великой Отечественной войны с ответственным заданием был направлен в г. Харбин; на завершающем ее этапе в составе Белорусского фронта

принимал участие в Берлинской операции. Опытному разведчику, тогда старшему лейтенанту, Б. удалось 1 мая 1945 г. в 6—7 часов утра водрузить красный флаг на Триумфальной арке Бранденбургских ворот — главном оплоте и символе фашизма и реваншизма, что имело в ходе штурма Берлина огромное моральное значение. За этот подвиг Б. был представлен к званию Героя Советского Союза. Но по ряду причин документы не были оформлены. После окончания Великой Отечественной войны служил некоторое время заместителем коменданта Магдебурга в Германии. В 1961 г. назначен командованием Московского военного округа военным комендантом Тулы и с того времени до самой смерти проживал здесь Похоронен на Тульском центральном городском кладбище.

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медалями.

Лит.: Шестаков К. Победный флаг туляка // Тула, 2001. 5 июля.

«Тульский биографический словарь.
Новые имена».—Тула: ИД «Пересвет», 2003. — С. 29.